

Михаил Алексеевский.

Рецензия на книгу:

Candi Cann. Virtual Afterlives: Grieving the Dead in the Twenty-First Century¹

Книга американского религиоведа Кэнди Канн, посвященная новым формам мемориализации умерших, получившим распространение в XXI веке, поражает будущего читателя уже на этапе знакомства с содержанием. В одной из глав автор обещает рассказать про то, как «носить на себе мертвецов» (про мемориальные татуировки); в другой – про то, как «ездить на мертвецах» (про наклейки на личных автомобилях в память об умерших). Исследование этих весьма необычных и, на взгляд обывателя, маргинальных практик мемориализации сочетается в книге с разбором куда более распространенных и достаточно неплохо изученных в последние годы форм выражения скорби об умерших – мемориалах-кенотафах на месте гибели людей и интернет-мемориалах на специальных сайтах или в социальных сетях.

Идея Кэнди Канн заключается в том, чтобы,

рассматривая в одном ряду как весьма популярные, так и достаточно экзотические новые практики мемориализации, объяснить, почему они возникают в современном обществе, какую функцию выполняют, в каком направлении развиваются. Такой подход, с одной стороны, кажется весьма свежим и перспективным, ведь автор обещает, что последовательное рассмотрение столь разнообразных новых форм мемориализации поможет понять, как и почему трансформируется публичное выражение скорби по умершим в XXI веке; с другой стороны, возникают закономерные опасения, получится ли у автора свести достаточно непохожие друг на друга формы ритуального поведения к единому знаменателю.

Российского читателя может шокировать и признание в предисловии книги. В ходе исследовательской работы Кэнди Канн пережила тяжелую личную утрату: в тот день, когда

1. Candi K. Cann. *Virtual Afterlives: Grieving the Dead in the Twenty-First Century*. 2014. The University Press of Kentucky. 212 pages.

в издательство была подана рукопись, родной брат Кэнди попал в больницу, где через два дня скончался. Как пишет автор, ей пришлось заезжать в похоронный дом, чтобы заказать кремацию, прямо по дороге на исследовательский семинар о смерти, где она представляла первую черновую версию главы об интернет-мемориализации. Многих исследователей подобная трагедия могла бы отвратить от продолжения изучения этой темы; например, один известный советский этномузыковед, успешно занимавшийся изучением похоронных причитаний, признавался впоследствии, что полностью охладел к этой теме после того, как пережил смерть матери. Однако Кэнди Канн не только не прекратила работу над монографией, но и восприняла эту смерть как своего рода «дар», позволяющий сделать книгу более личной и прочувствованной, дающий возможность изнутри понять, что значит скорбеть об умершем родственнике в современном мире. Хотя в самой монографии автор нигде не анализирует свой личный опыт переживания утраты, складывается ощущение, что он оказал значительное влияние на ее исследовательскую работу. Собственно, вся монография посвящена памяти умершего брата.

В кратком предисловии Кэнди Канн рассказывает и о том, как возник замысел книги. Работая в Гарвардском университете над диссертацией, посвященной сравнительному анализу современных нарративов о христианских мучениках в Китае и в Аргентине, автор обратила внимание на то, как стремление сохранить память об умерших находит выражение в низкой мемориализации. Обнаружив, что развитие новых форм мемориализации имеет интернациональный характер, Канн решила подробно рассмотреть это явление на материале современной американской культуры, приводя для сравнения сведения из Азии и Южной Америки.

Вообще стремление рассматривать в широкой сравнительной перспективе культурные

явления, характерные для американской культуры, можно только приветствовать, однако приходится признать, что в целом компаративистский подход автора оказывается не столь продуктивным, как можно было бы ожидать. Во-первых, выбор культур, которые сравниваются здесь с американской, оказывается обусловлен чуть ли не исключительно биографией автора. Кэнди Канн при работе над диссертацией проводила полевые исследования в Китае и в Аргентине, долгое время жила там (и даже в 2000 году участвовала в написании туристического путеводителя по Китаю), поэтому местные традиции она знает достаточно хорошо, чтобы писать о них, почти не ссылаясь на научную литературу. Однако никакого обоснования, почему американские поминальные практики нужно сравнивать именно с китайскими и латиноамериканскими, а не, например, с европейскими или африканскими, в работе не приводится. Во-вторых, сам сравнительный анализ применяется очень редко и непоследовательно, преимущественно тогда, когда автору это удобно: в главе о мемориалах-кенотафах азиатским и латиноамериканским традициям посвящены отдельные разделы, а в других главах эти традиции если и упоминаются, то только вскользь. Наконец, бросается в глаза упрощенное и даже слегка тенденциозное отношение автора к сравнительным материалам. Описывая азиатские и латиноамериканские поминальные традиции, автор регулярно подчеркивает, что в соответствующих странах культура скорби значительно более гармонична и сбалансирована, чем в США. Развернуто критикуя современную американскую культуру оплакивания умерших, Кэнди Канн склонна упрощать и идеализировать поминальные традиции других народов, не учитывая фундаментальных различий культурного контекста, вдумчивое рассмотрение которых могло бы потянуть на отдельную монографию или даже серию книг.

Почему современная американская культу-

ра скорби вызывает у автора сильные негативные эмоции? Об этом речь идет в энергичном и ярком вступлении к монографии, которое можно признать одной из самых удачных ее частей. Бегло рассматривая трансформации, которые пережили похоронно-поминальные традиции в США за последние два столетия, Кэнди Канн выделяет наиболее важные изменения, радикально повлиявшие на культуру скорби в национальном масштабе. Если прежде переживание смерти близкого человека, подготовка тела к похоронам и сам погребальный обряд были в общем-то семейным делом, в котором участвовали почти все члены семьи, то промышленная революция привела к формированию похоронной индустрии, когда значительную часть манипуляций с телом умершего начали выполнять не родные, а приглашенные специалисты.

В Америке сильное влияние на похоронный ритуал оказала и Гражданская война: с обеих сторон многие погибли на поле боя вдали от дома, поэтому для похорон их нужно было долго транспортировать до родных мест, обеспечивая сохранность тел, что стало мощным импульсом для развития бальзамирования. Профессионализация похоронного дела и широкое распространение бальзамирования, которое в Америке стало культурной нормой, привели к тому, что родные и близкие умершего оказались фактически избавлены от всех манипуляций с мертвым телом, а процесс посмертного разложения оказался скрыт от их глаз.

В 1950–1960-е годы развитие медицинских технологий изменило и само представление о том, что такое смерть человека: если раньше умершим считался человек, который перестал дышать и у которого перестало биться сердце, то появление аппаратов искусственной вентиляции легких и дефибрилляторов сделало главным признаком смерти прекращение мозговой активности.

Не менее важные изменения в американском обществе произошли и с культурой скор-

би. Если раньше после смерти родственника или близкого друга было принято длительное время соблюдать траур, проявлением которого были и специальные виды траурной одежды, и соблюдение определенных норм социального поведения, то в настоящее время широкое распространение получило представление о том, что тяжелую утрату нужно как можно быстрее «пережить» и «двигаться дальше».

Особенно подробно Канн останавливается на правовом регулировании времени, которое выделяется человеку на прощание с умершим родственником. Она отмечает, что в США на федеральном уровне срок оплачиваемого отпуска по смерти близкого человека никак законодательно не регулируется, так что частные компании могут сами определять, сколько дней отпуска и по какому поводу предоставлять своим сотрудникам. По сведениям автора, стандартом в этом случае считаются лишь три дня оплачиваемого отпуска. Disney, одна из самых семейно-ориентированных компаний Америки, щедро выделяет работникам пять дней оплачиваемого отпуска в случае смерти родственника, причем в этом качестве они признают даже сводных братьев и сестер. Зато компания Walmart, крупнейший работодатель в стране, предполагает, что оплате подлежит только отпуск по смерти ближайших родственников (родителей, супругов, детей), а отсутствие на рабочем месте, скажем, из-за похорон бабушки или брата допускается, но не оплачивается. В этом отношении в других странах ситуация лучше: в Китае на общегосударственном уровне гарантирован оплачиваемый отпуск по смерти родственника от трех до пяти дней; в Японии при смерти дальних родственников оплачивают пять дней отсутствия на работе, а при смерти близких родственников – десять дней; в Чили при смерти супруга или сына/дочери – семь, и т.д.

Одним из самых выразительных выпадов против современного состояния американской

культуры скорби в книге Кэнди Канн является сравнительный анализ различных изданий «Диагностического и статистического справочника по психическим расстройствам», который выпускается Американской психиатрической ассоциацией и имеет статус золотого стандарта в психиатрии. В изданиях, вышедших до 2013 года, поводом для постановки диагноза «большое депрессивное расстройство» являлось наличие у пациента в течение более чем двух недель таких симптомов, как апатия, плохое настроение, утрата интересов, нарушенный сон и т.д. Однако если эти симптомы фиксировались у пациента, недавно потерявшего близкого человека, то они должны были рассматриваться врачом как исключение из правил и вариант нормы; скорбящего человека не следовало рассматривать как больного. В новейших изданиях справочника это исключение пропало: теперь, если пациент более двух недель после смерти близкого человека плохо спит, сохраняет апатию и плохое настроение, врач должен диагностировать у него психическое расстройство и начать лечение. Как справедливо отмечает Канн, в этих условиях в американском обществе естественная скорбь по умершему начинает стигматизироваться, восприниматься как что-то ненормальное и постыдное.

Следом за этим Кэнди Канн формулирует одну из краеугольных идей своей монографии. По ее мнению, в ситуации, когда стандартные формы проявления скорби перестают работать из-за того, что общество в целом отторгает скорбь и продвигает идею ее быстрого преодоления, на низовом уровне начинают формироваться новые традиции мемориализации умерших, имеющие более частный характер. Если раньше выражение скорби по покойнику через систему коллективных похоронно-поминальных ритуалов реализовывалось на групповом уровне (через семью или общину), то теперь новые формы выражения скорби, с одной стороны, часто имеют индивидуальный характер,

с другой – ориентированы на публичное восприятие, так как скорбящему важно не только найти выражение своим эмоциям, но и быть идентифицированным обществом в этом статусе. По мнению автора, именно «патологизации скорби» и вытеснение оплакивания покойника из публичного пространства общества и культуры приводят к тому, что люди находят новые формы выражения своих эмоций по отношению к умершим: от участия в создании интернет-мемориалов до нанесения на тело специальных татуировок в память о покойном.

Эта мысль, как и любые другие глобальные идеи, призванные объяснить суть сразу нескольких близких, но все-таки довольно непохожих культурных явлений, конечно, обладает определенным обаянием и притягательностью, но при этом кажется излишне смелой. Подтвердить или опровергнуть ее может более подробный анализ тех самых новых форм мемориализации умерших, которые выделяет автор. Всего Кэнди Канн выделяет пять видов новых практик мемориализации: низовые мемориалы-кенотафы, интернет-мемориалы, мемориальные татуировки, украшение автомобилей в память об умершем и мемориальные футболки. Каждой из этих практик в исследовании посвящена отдельная глава, за исключением последних двух, которые почему-то объединены в общей главе.

Какие материалы легли в основу данного исследования? К сожалению, подробного ответа на этот вопрос в книге нет. После прочтения работы складывается ощущение, что автор собирала материалы, где придется. В главе про мемориалы-кенотафы используются преимущественно статьи в СМИ и, вероятно, результаты личных наблюдений. В исследовании про мемориальные татуировки цитируются интервью автора с мастерами из тату-салонов на Гавайях (в приложении к монографии есть использованный автором опросник), а также рассказы нескольких студентов Канн о своих та-

туировках, вероятно, записанные по удачному стечению обстоятельств. В главе про мемориальные таблички на машинах и поминальные футболки упоминается об опросе представителей компаний, которые их производят. Глава про интернет-мемориалы явно написана по результатам разысканий в Сети, однако о принципах, по которым собирался этот материал, нигде речь не идет. Столь небрежный и несистемный подход к сбору материалов заметно снижает ценность исследования и делает его менее убедительным. Показательно, что Кэнди Канн практически не работает с носителями тех традиций, которые она изучает. В ее исследовании право голоса получают скорее специалисты, которые их обслуживают (мастера из тату-салонов, производители мемориальных футболок и стикеров для автомобилей).

Первая же глава, посвященная уличным мемориалам-кенотафам, показывает основные сильные и слабые стороны исследования Кэнди Канн. С одной стороны, здесь мы найдем массу остроумных наблюдений и интересных идей автора. Среди всех форм мемориализации, рассматриваемых в монографии, низовое создание мемориалов-кенотафов относится, пожалуй, к самым изученным, однако Канн и здесь находит свой подход к теме – в кенотафах ее больше всего интересует феномен скорби без мертвого тела. С ее точки зрения, в современном американском обществе смерть вообще и мертвые тела в частности вытесняются из публичного дискурса. Смерть часто приходит к человеку в стерильном мире больницы, все технические манипуляции с мертвым телом совершают похоронные специалисты, которые с помощью бальзамирования и посмертного макияжа стремятся добиться того, чтобы покойник выглядел «как живой». Стремление максимально «сохранить» мертвое тело проявляется даже в процессе выбора гроба: так, Канн отмечает, что в Америке самыми дорогими и престижными считаются герме-

тичные гробы, которые должны оградить тело от воздействия внешней среды, так что покойник даже после погребения находится «в особой сохранности».

Собственно, причиной растущей популярности мемориалов-кенотафов в современном обществе Кэнди Канн считает стремление избавиться от мертвого тела, имеющего маргинальный статус и подлежащего либо уничтожению (в виде кремации), либо безопасной изоляции за пределами пространства живых (в виде захоронения на кладбище, желательном в герметичном гробу). Кенотаф не содержит мертвого тела, однако вписывает память об умершем человеке в сферу жизни, например, в городскую среду. Мертвый человек, таким образом, фактически возвращается в мир живых, но не в виде разлагающегося трупа, который закопан на кладбище, а в виде виртуального образа, связанного с мемориалом-кенотафом, который часто оформлен как субститут могилы, но является более чистым, гигиеничным и приятным для посещения.

К сожалению, когда дело доходит до разбора конкретных примеров, оказывается, что многие идеи автора, очень привлекательные в теории, на практике не получают подтверждения. Все предыдущие рассуждения автора вроде бы основаны на том, что мемориальная активность, связанная с кенотафами, вытесняет собой традиционные поминальные практики, связанные с посещением могилы. Логично предположить, что речь идет о родственниках и близких умершего, которым неприятно иметь дело с носящим маргинальный статус мертвым телом, поэтому они создают кенотаф как более удобный и приемлемый субститут могилы. Однако в первом же из рассматриваемых кейсов мы видим совсем другую картину.

Кэнди Канн подробно рассматривает зарождение традиции установки «велосипедов-призраков» («ghostbikes»), которая с середины 2000-х годов получила широкое

распространение во многих американских городах. «Велосипеды-призраки» – это обычные велосипеды, полностью выкрашенные серебряной краской, которые навечно пристегиваются замком к столбу рядом с тем местом, где в автомобильной аварии погиб велосипедист; в память о нем к велосипеду крепят серебряную табличку с именем, датами жизни и короткой мемориальной надписью. Принять участие в создании и установке «велосипеда-призрака» может любой желающий; подробная инструкция и интерактивная карта с указанием всех подобных мемориалов размещены на специальном сайте «Ghostbikes.org».

Автор монографии рассказывает об истории зарождения этой традиции: в 2003 году в Сент-Луисе прохожий по имени Патрик Ван Дер Туин стал свидетелем того, как мотоциклист насмерть сбил велосипедиста, который, не нарушая правил, ехал по велосипедной дорожке. Под впечатлением от увиденного Патрик покрасил свой велосипед серебряной краской и пристегнул его рядом с местом аварии, прикрепив на него табличку «Здесь был сбит велосипедист». Позднее вместе с друзьями он начал размещать «велосипеды-призраки» в других опасных местах, а вскоре это движение получило распространение и в других городах. Показательно, что на первой табличке даже не было указано имя погибшего, тем более что Патрик его просто не знал. Очевидно, что в данном случае прагматика установки мемориала связана вовсе не с желанием увековечить память жертвы, а со стремлением предупредить других велосипедистов об опасности. Установка мемориала на месте гибели велосипедиста, а не на его могиле имеет здесь принципиальное значение, так что едва ли здесь правомерно говорить о стремлении «дистанцироваться» от мертвого тела.

Другие разбираемые примеры также плохо подтверждают теоретические построения автора. В детально восстановленной истории

создания, развития и демонтажа поминального мемориала рядом с кинотеатром в городе Орора штата Колорадо, в котором 19 июля 2012 года на премьере фильма «Темный рыцарь: Возвращение легенды» были застрелены 12 человек, наибольшее внимание привлекает роль плотника Грега Заниса. За 12 лет до этого события его приемный отец и лучший друг погибли во время массового убийства в школе Коломбайн, и в память о жертвах Грег Занис изготовил большие деревянные кресты. После стрельбы в кинотеатре плотник специально приехал в Орора, сделал и установил в память о погибших кресты, которые стали основой стихийного поминального мемориала. Очевидно, что в данном случае едва ли корректно воспринимать изготовление крестов как просто новый формат поминания умерших. И для самого Заниса, создавшего организацию «Кресты – погибшим», и для жителей города создание и установка крестов явно были общественно значимым жестом.

Большой интерес составляет предложенное Кэнди Канн сравнение того, как осуществлялась мемориализация в случае с двумя другими массовыми убийствами, очень похожими одно на другое. В 2006 году в школе религиозной общины амишей в деревне Найкл Майнс в Пенсильвании местный житель захватил десять девочек и успел убить пять из них до того, как кончил жизнь самоубийством во время начала штурма. В 2012 году массовое убийство произошло в начальной школе Сэнди-Хук в Коннектикуте, где преступник застрелил 20 детей и 6 взрослых, после чего также покончил с собой. В случае с убийством в Найкл Майнс община амишей почти полностью отказалась от мемориализации: школу, где произошло преступление, полностью снесли, чтобы не привлекать внимание туристов, а затем отстроили новое здание; в память о погибших девочках лишь посадили пять деревьев. В школе Сэнди-Хук мемориализация, напротив, шла очень

активно: рядом со зданием школы возник стихийный мемориал из цветов, детских игрушек, открыток, а тот самый Грег Занис воздвиг неподалеку очередные кресты. По мнению автора монографии, фактическое отсутствие спонтанной мемориализации в Найкл Майнс было связано с тем, что у амишей хорошо сохранились традиционные похоронные и поминальные обряды, которые позволяли семьям и близким погибших органично пройти все стадии прощания с ними, так что дополнительная мемориализация не была необходима.

В бурном развитии стихийного мемориала в Сэнди-Хук Кэнди Канн видит влияние традиций, связанных с мемориализацией жертв теракта 11 сентября в Нью-Йорке, и обращает внимание на то, что основной мемориал на территории школы был разобран и передан в местный музей уже через две недели после трагедии, так как власти заявили, что город должен «двигаться дальше» (впрочем, определенное влияние здесь оказали погодные условия, так как зимой из-за дождей и грязи мемориал довольно быстро потерял свой вид). Вспоминая трагедию, произошедшую в 1937 году в Нью-Лондоне, когда из-за взрыва газа в местной школе погибло 295 человек, Канн отмечает, что тогда даже через год местные жители не были готовы «двигаться дальше», что, по ее мнению, означает, что в наши дни под давлением общества скорбь становится более скоротечной, вытесняется в приватное пространство.

Кейсы, разбираемые исследовательницей в первой главе, интересны сами по себе, но плохо соотносятся с основными теоретическими положениями монографии. Мы видим, что во всех этих примерах создание мемориала-кенотафа становится реакцией на насильственные, а не на обычные смерти, причем важную роль в формировании мемориалов имеют не близкие родственники жертв, а общество в целом, в том числе и общественные активисты, такие как Грег Занис и Патрик Ван Дер Туин. Идея

о том, что создание кенотафов в городской среде связано с желанием не иметь дела с мертвыми телами, не выдерживает критики. Во всех случаях мы видим, что мемориалы возникают в местах гибели людей; их функция, прежде всего, связана с обозначением места трагедии, поэтому обычные кладбищенские захоронения в этом смысле им не конкуренты. Память о трагическом событии в данном случае важнее, чем память о личностях конкретных жертв. Общественная реакция здесь важнее, чем индивидуальная, а масштабное медийное освещение трагедии подстегивает развитие мемориализации, в том числе и со стороны людей, не имеющих прямого отношения к жертвам.

Вторая и третья главы монографии, посвященные мемориальным татуировкам, наклейкам на машины и майкам, куда более органично сочетаются с магистральной идеей автора о том, что маргинализация скорби в обществе вынуждает переживших утрату искать новые формы выражения своих эмоций. Действительно, практически во всех этих случаях мы имеем дело с индивидуальными, а не с коллективными, как в случае с мемориалами-кенотафами, стратегиями проявления скорби по умершему. Принципиально различаются лишь стоимость и долговечность этих форм выражения эмоций скорбящего: наклейка на машину и майка с портретом умершего стоят 10–20 долларов, и снять их можно в любой момент, в то время как татуировка обходится значительно дороже и обычно остается с человеком на всю жизнь.

Собственно, «вечность» татуировки и оказывается одной из главных причин ее привлекательности для скорбящих – она должна обеспечить память о человеке «до конца дней». Здесь Кэнди Канн находит еще одну важную тему – маргинализация скорби, связанной с теми видами смерти, которые не принято обсуждать публично. В первую очередь это связано со смертью младенцев, которую остро переживают родители, но, как правило, не име-

ют возможности поделиться переживаниями с окружающими из-за табуированности этой темы. Похожие проблемы возникают и у родственников самоубийц. Автор отмечает, что большое символическое значение могут иметь и образы подобных татуировок (детские ступни, ладошки, бабочки, ангелочки и т.д.), и место их нанесения (например, отпечаток детской ладошки на руке матери в том месте, где ребенок ее когда-то хватал).

С местом нанесения татуировки связана еще одна ее важная характеристика – приватность/публичность. В некоторых случаях обладатель татуировки хочет, чтобы она была не видна окружающим, однако нередки и противоположные запросы: татуировка на открытом месте тела позволит постороннему человеку задать вопрос о ее значении, что даст возможность ее владельцу лишней раз поговорить с кем-то на волнующую его тему. Психотерапевтический эффект татуировки, как показывают интервью с мастерами тату-салонов, проявляется и в момент ее нанесения. Физическая боль в момент набивания татуировки вытесняет душевную, а сам мастер может стать своего рода исповедником, которому рассказывают о своих переживаниях.

Особый интерес у исследовательницы вызывает совсем маргинальная, но глубоко символическая практика добавления в краску для татуировки пепла, полученного после кремации умершего. Хотя большинство опрошенных тату-мастеров заявило, что никогда не стало бы делать такую процедуру из-за ее небезопасности для здоровья клиента, в Сети можно найти соответствующие видеоинструкции. В случае проведения подобной процедуры частички умершего могут на всю жизнь остаться в коже обладателя татуировки, что имеет большое символическое значение для ее обладателя.

Нанесение татуировки в память об умершем Кэнди Канн также склонна рассматривать в контексте вытеснения мертвого тела из по-

вседневного дискурса. Привлекательный образ на теле становится виртуальным двойником покойника, картой памяти, хранящей его характерные черты. В целом можно сказать, что глава о татуировках стала одной из самых удачных в монографии.

Глава, объединяющая анализ мемориальных наклеек на машины и поминальных футболок с портретом умершего, продолжает изучение индивидуальных форм выражения скорби. Однако речь идет о довольно маргинальных практиках, которые даже в США имеют не самое широкое распространение. По происхождению традиция наклеивать в память об умершем стикеры на бампер восходит к 1980-м годам, когда общественная организация «Матери против пьяных водителей» начала делать мемориальные наклейки в память о детях, которые погибли в автомобильных авариях по вине нетрезвых водителей, и закреплять их на бамперах машин, используя как форму общественного протеста. После того как был принят законопроект, ужесточающий наказание за вождение в пьяном виде, популярность таких наклеек пошла на спад.

Следующая волна популярности подобных наклеек приходится на февраль 2001 года, когда во время гонки NASCAR насмерть разбился автогонщик Дейл Эрнхардт. Вскоре после этого случилась трагедия 11 сентября, после чего бамперы массово начали украшать мемориальными и патриотическими наклейками. И хотя впоследствии мемориальные стикеры начали клеить на машины и в память о смерти близких родственников (например, внук, которому бабушка завещала автомобиль, мог заказать наклейку на бампер с ее портретом) мы видим что первоначально эта традиция скорее была связана с выражением общественных настроений, нежели со стремлением проявить индивидуальную скорбь.

Похожая ситуация возникает и с майками, украшенными портретом умершего. Кэнди

Канн считает, что традиция их создания выросла из популярных в католических общинах США практик изготовления мемориальных карточек с приглашением на похороны, на которых размещали портрет умершего, даты жизни, краткую информацию о его биографии и обращение к родственникам. Позднее похожую функцию начали выполнять мемориальные майки, которые изготавливались к похоронам, а потом раздавались участникам церемонии. В отличие от карточек, их можно было использовать и после похорон, отдавая этим дань уважения покойнику и его семье. Также автор считает, что предшественниками индивидуальных мемориальных футболок являлись майки с портретами умерших знаменитостей (от Джона Леннона до Стива Джобса). Канн предлагает рассматривать мемориальные майки как современный вариант траурной одежды, которая позволяет человеку в публичном пространстве позиционировать себя как скорбящего. Однако, как представляется, и по происхождению, и по прагматике практика использования подобных маек гораздо дальше от индивидуальных стратегий выражения скорби, чем мемориальные татуировки или даже наклейки на машины. Обычно мемориальные майки изготавливаются большими тиражами для всех участников похорон, так что можно сказать, что они скорее укрепляют внутригрупповое единство скорбящих родственников и друзей покойного.

В четвертой главе Кэнди Канн переходит к рассмотрению более распространенных и сравнительно неплохо изученных практик, связанных с интернет-мемориалами, которые посвящены умершим. Их она сравнивает с газетными некрологами, которые публикуются за деньги в местных газетах. По ее справедливому наблюдению, некрологи в газетах достаточно традиционны по форме, авторами могут стать только родные и близкие покойника, а сами мемориальные тексты обычно представляют

собой клишированные рассказы о биографии умершего. Интернет же дает возможность демократизации скорби, ведь здесь отреагировать на смерть человека может любой желающий, даже тот, кто лично не знал покойника.

Меняется и регистр говорения о смерти человека. На страницах интернет-мемориалов, особенно тех, которые возникают в социальных сетях, пользователи не говорят о покойнике, а напрямую обращаются к нему, имитируя полноценную коммуникацию. Здесь наконец-то любимая идея Кэнди Канн об исчезновении мертвого тела и замене его виртуальным двойником находит себе прямое подтверждение. Лично обращаясь к умершему, пользователи конструируют его образ и одновременно разрушают привычную иерархию скорби, подразумевающую, что активнее всего в поминальных ритуалах принимают участие самые близкие родственники и друзья покойного. В интернете с энтузиазмом выкладывают мемориальные фотографии и писать проникновенные послания умершему могут даже те, кто вообще не был с ним знаком. Показательна в этом отношении рассказанная Канн история одной вдовы, которая надеялась, что после смерти мужа общие знакомые выразят ей свою поддержку и соболезнования, но обнаружила, что большинство из них предпочитает писать сентиментальные сообщения самому ее ушедшему мужу в социальных сетях.

Автор монографии бегло рассматривает новые ритуалы и новый язык выражения скорби в интернет-пространстве. Скорбящие пользователи могут не только оставлять на странице умершего свои послания, но и временно использовать его фотографию в качестве аватарки в социальных сетях, размещать совместные фото в поминальные дни, активно использовать разного рода смайлики и картинки, чтобы выразить свои чувства.

Особое внимание Кэнди Канн уделяет рассмотрению виртуальных реакций на смерти,

имеющие широкий общественный резонанс и медийное освещение. Так, в Фейсбуке страница памяти Кристл Кэмпбелл, девушки, погибшей во время теракта на Бостонском марафоне в апреле 2013 года, была создана на следующий день после этого трагического события. Через 10 дней она имела около 76 тысяч «лайков» пользователей и более 205 тысяч комментариев и сообщений пользователей. Сравнивая записи, которые оставляют пользователи из разных стран на страницах погибших жертв терактов и катастроф, Канн отмечает значительное сходство форм выражения скорби и сочувствия, что позволяет ей говорить о «макдональдсизации» культуры выражения эмоций в интернете. В целом глава про интернет-мемориалы содержит немало интересных идей и ценных наблюдений, однако чувствуется, что это слишком широкая тема, чтобы ее можно было полноценно раскрыть в таком объеме.

В заключительной главе Кэнди Канн пытается собрать воедино результаты проведенного ею исследования различных форм низкой мемориализации. По ее мнению, новые формы выражения скорби объединяет их «бестелесная природа», которая проявляется в различных культурах, особенно в постиндустриальных, протестантских и капиталистических обществах. Отрицание смерти в этих обществах связано с широким распространением балзамирования и кремации, а взаимодействие родных и близких покойника со смертью и мертвым телом минимально из-за развития медицины и профессионализации похоронного дела. В этих условиях мертвое тело почти полностью исчезает из похоронно-поминального ритуального цикла, что приводит к тому, что в качестве компенсации развиваются новые формы выражения скорби по покойнику, где у трупа появляется виртуальный субститут (от татуировки до онлайн-страницы умершего). По мнению автора, новые формы мемориализации являются попыткой заново

выстроить взаимоотношения между живыми и умершими, вернув исчезнувших мертвецов в мир живых в новом облике. При этом важным эффектом складывания новых форм оплакивания умерших становится демократизация скорби, позволяющая выражать свои эмоции как прежде второстепенным группам скорбящих (случайным знакомым, дальним родственникам покойного), так и тем, чьи переживания отторгаются обществом из-за специфики их утраты (родители умерших детей, родственники самоубийц и т.д.).

Монография Кэнди Канн – яркое и самобытное исследование современных форм мемориализации, однако приходится признать, что убедительно свести разрозненные части воедино, объединив их общими идеями и подходами, у автора не получилось. Явления, которые рассматриваются в книге, слишком разные по широте распространения и формам выражения, чтобы их можно было рассматривать под одним углом зрения, например, как попытку заполнить вакуум, который возник в практике скорби после фактического исключения из нее мертвецов.

Хуже всего в эту концепцию укладываются мемориалы-кенотафы на месте трагедий, которые автор как раз считает идеальным воплощением «бестелесности». Как было отмечено выше, при создании кенотафов на месте трагедий в первую очередь мемориализации подвергается не событие, а жертвы. Причем наивысшую активность здесь проявляют не столько близкие родственники, сколько активисты и сочувствующие, обеспечивающие стремительное разрастание мемориала, который никак нельзя воспринимать как более удобный «бестелесный» аналог могилы. При создании мемориала-кенотафа наибольшее значение имеет коллективность, а не индивидуальность выражения скорби, которая, кстати, часто лишена общественно-политического звучания (роль «велосипедов-призраков» в повышении

безопасности движения, наклейки общества «Матери против пьяных водителей» как способ пролоббировать новый законопроект и т.д.). Собственно, почти полное отсутствие попыток автора рассмотреть особенности коллективных форм выражения скорби по умершим можно считать одним из главных недостатков этой очень яркой научной работы.

Как представляется, ценность полученных результатов снизила и попытка автора представить современную американскую культуру скорби как некое единое целое. Рассматриваемые примеры показывают, что это достаточно искусственный конструкт, в который с трудом укладываются многие яркие культурные явления. Скажем, возникает вопрос, относятся ли к американской культуре скорби похоронно-поминальные традиции амишей в Найкл Майнс или американских католиков, распространяющих мемориальные карточки-приглашения на похороны? Вообще для религиоведа Кэнди Канн слишком смело выводит за рамки рассмотрения собственно религиозные аспекты похоронно-поминальных традиций современной Америки. Получается, что автор пристально рассматривает только новые формы выражения скорби, а все традиционные модели взаимодействия между живыми и мертвыми априори объявлены устаревшими и неактуальными, что едва ли правильно.

Впрочем, несмотря на высказанные замечания методологического характера, монография Кэнди Канн безусловно является увлекательным и новаторским исследованием. Особенно интересны отечественному читателю будут главы, посвященные новейшим и пока достаточно экзотическим для России формам мемориализации: поминальным татуировкам, наклейкам на машины и футболкам. Книга легко читается и снабжена выразительными иллюстрациями. С некоторыми идеями автора хочется поспорить, однако в работе Канн масса интересных наблюдений и пара-

доксальных выводов, которые хочется незамедлительно обсудить с коллегами.

В 2017 году Кэнди Канн готовится выпустить коллективную монографию, посвященную кросс-культурному исследованию роли еды в похоронно-поминальной культуре, и, как кажется, это та книжная новинка, которую стоит ждать с нетерпением.